

УДК 808.2:801.55=161(075.8)

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ
КАТЕГОРИИ ВОЗВЫШЕННОГО В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭСТЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

Г.А. Хайрутдинова

Аннотация

Статья посвящена проблеме эстетических ресурсов языковых единиц. В контексте исследования данной проблемы представлены результаты анализа морфологических средств русского языка, используемых при отражении категории возвышенного. Установлено, что переживание возвышенного (наряду с употреблением единиц других подсистем языка) связано с использованием междометий, отвлеченных существительных, прилагательных, актуализацией морфологических категорий числа существительного, вида, времени и наклонения глагола. С точки зрения грамматической стилистики возрастает роль архаичных форм и единиц с книжной стилистической окраской.

Ключевые слова: эстетические ресурсы языковых единиц, морфологические средства русского языка, категория возвышенного.

Проблема эстетических ресурсов языковых единиц в современной лингвистике относится к числу недостаточно изученных. Об этом, в частности, свидетельствует и отсутствие общепринятого, устоявшегося определения понятия «эстетические ресурсы языковых единиц». Проведенное нами исследование позволяет заключить, что при рассмотрении эстетики языковых единиц, в том числе средств морфологического уровня, необходимо придерживаться комплексного, интегративного подхода, предполагающего творческое применение тех перспективных идей, которые содержатся не только в трудах по лингвистике, но и в смежных научных областях – литературоведении и эстетике. В контексте обозначенного подхода считаем наиболее целесообразным широкое понимание эстетических ресурсов языковых средств, основу которого составляет опора на категорию эстетического как наиболее общую (универсальную, фундаментальную) категорию эстетики. При эстетическом восприятии предмета человек получает духовное наслаждение, достигает одной из высших ступеней духовного состояния, катарсиса [1, с. 154–164].

Анализ научной литературы показывает, что чаще всего попытки осветить отдельные аспекты проблемы эстетики языковых единиц предпринимались в отношении элементов лексической, синтаксической и фонетической подсистем русского языка (см. [2–6]). Вопрос об эстетическом потенциале морфологических средств русского языка не получил глубокого системного освещения.

Одним из направлений изучения эстетического потенциала морфологических средств является анализ их использования при отражении эстетических категорий. Значительный интерес представляет категория возвышенного, которая в контексте обозначенной проблемы еще не была предметом специального изучения, что и обусловило наше обращение к этому вопросу.

Впервые наиболее целостную характеристику возвышенного дал И. Кант в «Критике способности суждения» (1790). Эта категория в разные периоды развития эстетической мысли была предметом исследования ряда ученых: Э. Берка, Фр. Шиллера, А. Руге, П.С. Трофимова, Ю.Б. Борева, Д.Д. Среднего, Л.Г. Ивановой, В.П. Шестакова и др. С точки зрения Ю.Б. Борева, возвышенное как категория эстетики отражает бесконечность и вечность мира и могучие возможности, мощные внутренние силы человека, опредмечивающего себя в природе и очеловечивающего природу. Возвышенное – эстетическое свойство таких предметов и явлений, которые благодаря своей колоссальной мощи, огромному масштабу не могут быть полно освоены человечеством на данном этапе его развития и представляют благодатные перспективы для созидательной творческой деятельности человечества [7, с. 140–141]. Возвышенное обнаруживает двойственную природу человека: оно подавляет человека как физическое существо, заставляет осознать свою конечность и ограниченность, но одновременно возвышает его как духовное существо, пробуждает в нем сознание нравственного превосходства даже над физически несоизмеримой и подавляющей его природой [8, с. 113]. Категория возвышенного отражает нравственную красоту человека, преодоление всего низменного, обыденного, повседневного, борьбу человека за высокие нравственные идеалы с явлениями, подчас превосходящими его по силе и значительности [9, с. 85]. Если восприятие комического ученые соотносят с особой эмоциональной критикой, то переживание возвышенного связано с чувством восторга и прямым утверждением данного предмета. Типичными формами отражения возвышенного в искусстве принято считать грандиозность, масштабность, монументальность.

Перспективным представляется исследование данной категории в жанрово-тематическом плане, а также в контексте анализа той или иной литературной школы (художественного метода). Изучение феномена возвышенного в этом направлении уже дало плодотворные результаты. Так, например, философский и литературоведческий аспекты проблемы отражения категории возвышенного в произведениях русского классицизма и романтизма нашли освещение в исследовании Ю.Г. Нигматуллиной [10]. Системный анализ диалога сентиментализма и предромантизма через призму категории возвышенного проведен А.Н. Пашкуровым [11].

Среди языковых средств отражения категории возвышенного роль первой скрипки играют лексические единицы. Своеобразие этих элементов языка определяется их принадлежностью к высокому стилю, в рамках которого, согласно традиции, восходящей к теории о трех стилях М.В. Ломоносова, допускается сочетание лишь общеупотребительных слов и старославянизмов. Если говорить о морфологических средствах, то их роль скромнее. Обращает на себя внимание рост употребления междометий, выражающих высокий накал эмоций, что характерно не только для стихотворного, но и прозаического текста: *Шуми,*

шуми, **о** водопад (Г. Державин. «Водопад»); **О!** вы счастливые народы, / Где случай вольность даровал! (А. Радищев. «Вольность»); **Ах**, я знаю – среди образов горных / пропадет сиротливой мечтой, / лишь умру, – стая воронов черных, / что кружилась всю жизнь надо мной (А. Белый. «Возмездие»); **О** Алеша, я не богохульствую! Понимаю же я, каково должно быть сотрясение вселенной, когда все на небе и под землю сольется в один хвалебный глас и все живое и жившее воскликнет: «Прав ты, господи, ибо открылись пути твои!» (Ф. Достоевский. «Братья Карамазовы»).

Следует отметить увеличение числа отвлеченных существительных, среди которых заметен пласт субстантивов среднего рода с суффиксами [-tj-], [-н'j-], [-ен'j-]: Мне не любовь твоя нужна, / **Занятыя** ждут меня иные... (К. Рылеев. «Ты посетить, мой друг, желала...»); ...И на устах ее лежала / **Молчанья** строгого печать. (А. Хомяков. «Раскаявшейся России»); И с ясною, чувствительной душой / Вам дан язык для **выраженья** чувства. (С. Шевырев. «Звук»); Не ты виной, что он за нож / Теперь в **отчаяньи** схватился. (П. Лавров. «Апостол»); Толпе напоминать, что бедствует народ / В то время, как она ликует и поет, / К народу возбуждать **вниманье** сильных мира – / Чему достойнее служить могла бы лира?.. (Н. Чернышевский. «Элегия»); ... ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома, здесь он смеет еще верить в свое **значение** и в свою силу (И. Тургенев. «Поездка в Полесье»).

Специфика предметного содержания эмоционально-приподнятой речи предполагает востребованность имен прилагательных, некоторые из которых подвергаются субстантивации: Где **сильный** **слабого** теснит, / Где деньги право заменяют... / Туда иди на славный бой / Во имя правды и свободы. (П. Лавров. «Апостол»); Я вам поведал **неземное**. / Я все сковал в воздушной мгле. (А. Блок. «Я вам поведал неземное»); Дай мне быть твоей пылинкой влажной, / Каплей в **вечном**... (К. Бальмонт. «Воззвание к океану»).

Изучение морфологических средств отражения категории возвышенного с точки зрения эстетического потенциала морфологических категорий свидетельствует об актуализации категорий числа существительного, вида, времени и склонения глагола. Для подтверждения сказанного обратимся к стихотворению С. Орлова «Его зарыли в шар земной...», содержание которого реализуется во многом за счет эстетического потенциала морфологической категории числа: Его зарыли в шар земной, / А был он лишь **солдат**, / Всего, друзья, **солдат** простой, / Без званий и наград. / Ему как мавзоль земля - / На миллион веков, / И **Млечные Пути** пылят / Вокруг него с боков. / На рыжих скатах **тучи** спят, / **Метелицы** метут, / **Грома** тяжелые гремят, / **Ветра** разбег берут. / Давным-давно окончен бой... / Руками всех друзей / Положен парень в шар земной, / Как будто в мавзоль...

Одной из главных в идейно-художественном замысле этого стихотворения является мысль о бесценности каждой человеческой жизни, каждого живущего на земле человека. Выражение этой мысли достигается путем сопоставления одного человека – самого обыкновенного, простого солдата, «без званий и наград», – с мощными природными явлениями, принадлежащими миру Макрокосмоса. Возникает контраст:

Солдат

Млечные Пути
Тучи
Метелицы
Грома
Ветра

Безусловно, во многом величие простого солдата подчеркивается благодаря подбору лексем, называющих мощные природные стихии, и пафосу почти фантастической художественной модели мира, которая призвана воплотить авторский замысел. В то же время, существенную роль в реализации антитезы играет категория числа. Мощные силы природы, обозначенные формами множественного числа субстантивов, предстают как гораздо менее значительные, по сравнению с самим человеком, явления. И, напротив, изображение обыкновенного человека, символизирующего трагическую судьбу многих погибших в Великой Отечественной войне солдат, достигает высокого эмоционального напряжения благодаря использованию наряду с другими языковыми средствами формы единственного числа с обобщенно-собирательным смыслом.

Анализ тесно взаимодействующих друг с другом категорий вида и времени глагола позволяет констатировать активность несовершенного вида и увеличение употребления форм непрощедшего времени. При этом презентные формы глагола чаще всего используются в значении настоящего изобразительного (*Везувий пламя **изрыгает**, / Столп огненный во тьме **стоит**...*), либо в значении абстрактного настоящего (*Всяк мудрый **любит** тишину*) (Г. Державин. «РОССУ на взятие Измаила»). Из способов глагольного действия, сопряженных с категорией вида, отметим частотность глаголов совершенного вида начинательного способа с церковнославянским префиксом *воз-/вос-*, вполне согласующимся с напряженно-эмоциональным звучанием речи: *И **воскипела** бранна кровь* (Г. Державин. «РОССУ на взятие Измаила»); *...Пусть там твое живое слово / К борьбе со злом и к жизни новой / Народ молчащий **воззовет*** (П. Лавров. «Апостол»); *Да, я возьму тебя с собою / И **вознесу** тебя туда...* (А. Блок «Демон»); *Всякий верующий обязан ответить: может – и обязан убедить самого себя в этом. Но если разум его **восстанет** против такой бессмыслицы?* (И. Тургенев. «Молитва»); *Уже тогда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое **возгласят** со слезами: «Прав ты, господи»...* (Ф. Достоевский. «Братья Карамазовы»).

Более заметной на фоне других наклонений становится роль глаголов повелительного наклонения, хотя это обстоятельство и не отменяет в целом преобладания индикатива. Кроме основной формы – 2-го лица – используются также формы 3-го лица и формы совместного действия императива: *Откройся, мысль! Стань музыкою слово, / Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!* (Н. Заболоцкий. «Бетховен»); *Иди и не слабей в борьбе! / Пусть речь твоя не умолкает! / Пусть будит дремлющих она, / Из гроба мертвых поднимает!* (П. Лавров. «Апостол»); *Внимайте, внимайте... / Довольно страданий! / Броню надевайте / из солнечной ткани! / Зовет за собою / старик аргонавт, / вызывает / трубой / золотою: / «За солнцем, за солнцем, свободу любя, / умчимся в эфир голубой!..»* (А. Белый. «Золотое руно»).

С точки зрения грамматической стилистики в числе наиболее частотных приемов отражения данной категории в первую очередь следует назвать использование архаичных грамматических форм. Например, в стихотворении Вяч. Иванова «Осень» архаичная форма родительного падежа множественного числа существительного *дерев*, наряду с другими языковыми средствами (слова «высокого слога» *дар, окрест, облик, отрадно, изнывает, печаль, твердь*, индивидуально-авторские композиты *ясно-тих, голуботускляя*), способствует выражению пафоса «червонного увядания» природы, возвышенного чувства «благородной печали»: *И месяц белый расцветает / На тверди призрачной – так чист!.. / И, как молитва, отлетает / С немых **дерев** горящий лист...*

В стихотворении Н. Асеева «Наша профессия» устаревшая плюральная форма *словес* (своего рода грамматический поэтизм) придает взволнованно-патетическое звучание размышлениям автора о значимости писательского труда: *И оправдалось бы выражение: / «лица высокого положения»; / и оценили бы подлинно вес / нас, повелителей светлых **словес**!*

Воплощению главной художественной идеи «Оды на день восшествия на всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года» М. Ломоносова вполне соответствует сохранившееся в высоком слоге древнее окончание дательного падежа существительного *земли*: *Ты сыплешь щедрою рукою / Свое богатство по **земли**.*

В выражении патетики скорби в «Балладе о двадцати шести» С. Есенина, кроме книжной лексики, участвуют и грамматические средства, например устаревшая форма инфинитива: *26 их было, / 26. / Их могилы песком / Не **занесть**.*

Еще одним традиционно используемым средством отражения патетики борьбы, героики трудовых подвигов являются грамматические формы с книжной стилистической окраской. В одном из стихотворений В. Луговского рефреном звучат восклицательные предложения, в предикативной части которых функционируют формы повелительного наклонения, образованные с помощью книжной частицы *да*: ***Да здравствуют** / *Работники пустынь!* / <...> / **Да здравствуют** / *Работники полей!* / <...> / **Да здравствуют** / *Работники воды!* / <...> / **Да здравствуют** / *Работники границ!..* (В. Луговской. «Большевикам пустыни и воды»).*

Одним из перспективных направлений анализа языковых единиц при отражении категории возвышенного может стать их исследование с учетом типа культуры. В контексте данного тезиса весьма актуально высказывание Ю.М. Лотмана о том, что для культуры «синтаксического типа» величие связано с поэтизацией обширности географического пространства: «...для Ломоносова величие неизменно будет сливаться с обширностью географического пространства. Представление о поэтичности огромного не случайно так органично войдет в оду эпохи классицизма» [13, с. 30]. С опорой на концепцию ученого могли бы быть изучены закономерности использования языковых средств, раскрывающие связь между типом культуры и эстетической категорией, типом культуры и литературным направлением и т. д.

Summary

G.A. Khairoutdinova. Morphological Means of Reflecting the Category of Exalt in the Context of Language Unit Aesthetic Resource Problem.

The article views the problem of language unit aesthetic resources. Within the research, Russian language morphological means used for exalt category reflection have been analyzed. Experiencing exaltation is stated to be connected to using interjections, abstract nouns, adjectives, and actualizing such morphological categories as quantity for nouns, and time, aspect, and mood for verbs. From the grammatical stylistics point of view, the role of archaic forms and units of bookish style increases.

Key words: language unit aesthetic resources, morphological means of the Russian language, category of exalt.

Литература

1. Бычков В.В. Эстетика. – М.: Гардарики, 2002. – 556 с.
2. Донецких Л.И. Эстетические функции слова. – Кишинев: Штиинца, 1982. – 154 с.
3. Ковалевская Е.Г. Эстетические возможности слов с коннотативным значением // Семантические и эстетические модификации слов в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1988. – С. 28–39.
4. Меликян В.Ю. Об одном из типов нечленимых предложений и его эстетических функциях // Рус. язык в школе. – 1999. – № 2. – С. 94–100.
5. Новиков Л.А. Единица эстетической коммуникации // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VIII. Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика. – Тарту, 2002. – С. 134–147.
6. Черемисина Н.В. Вопросы эстетики русской художественной речи. – Киев: Вища шк., 1981. – 240 с.
7. Боров Ю.Б. Основные эстетические категории. – М.: Высш. шк., 1960. – 446 с.
8. Авдеев В.И. Категории эстетики // Эстетика: учеб. пособие для вузов / Под ред. А.А. Радугина. – М.: Центр, 1998. – С. 109–122.
9. Шестаков В.П. Эстетические категории: Опыт систематического и исторического исследования. – М.: Искусство, 1983. – 358 с.
10. Нигматуллина Ю.Г. Функция Возвышенного в произведениях русского классицизма и романтизма // Wiener slavistischer Almanach. – Wien, 1994. – Bd. 34. – S. 17–32.
11. Паикуров А.Н. Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: Эволюция и типология. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 212 с.
12. Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. – Тарту: Тартуск. гос. ун-т, 1970. – 106 с.

Поступила в редакцию
11.03.08

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна – кандидат филологических наук, доцент сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.